

вдохновителем которой, как известно, является Прокл, а более отдаленным — Плотин. Он обогащает свой платонизм посредством «Асклепия» Псевдо-Апулея, который

приписывается Гермесу Трисмегисту, и также цитирует его в своем трактате (III, 3), называя его «Logostileos», то есть «Verbum perfectum» («Совершенное слово»). Для разъяснения заимствованных отсюда неоплатонических тезисов Алан, естественно, обращается к Боэцию, чья мысль сама по себе направляла его в платоновское русло. Монада, или чистое Единство, как полагает первая максима — это не что иное, как Бог. Исходя из этого понятия, Алан пытается различить отдельные моменты действительности так, как их различает христианская мысль, однако ни на йоту не отходя от платоновской онтологии. Отношения высшего и низшего в порядке бытия истолковываются им в терминах отношений единственного и множественного, «того же самого» и «другого». В соответствии с тремя планами деления различают три вида реального: сверхнебесное, которое есть высшее единство, или Бог; небесное, которое есть ангел и в котором появляется первая инаковость, ибо он первое Божье творение и первый, кто сотворен как движущийся (эта инаковость представляет собой первую множественность); наконец, поднебесное — телесный мир, в котором мы пребываем и где царит множественность в собственном смысле. Все единое в инаковости, а затем и во множественности исходит от Монады. Именно от нее исходит все бытие, ибо Монада — единственное, что просто и неизменно; что касается всего остального, никогда не пребывающего в одном и том же состоянии, то его не существует: «Sola monas est, id est solus Deus vere existit, id est simpliciter et immutabiliter ens; caetera autem non sunt, quia nunquam in eodem statu persistunt»**.

Совершенно простая, Монада производит множественность, но порождает единство. Порождаемое ею есть иная самость — Сын, и есть еще одна самость, происходящая от Отца и Сына, — Святой Дух. В этом пункте автор «Асклепия» почти распознал истину, когда написал: «Верховный Бог создал второго Бога; Он возлюбил Его как своего един-

237

4. Алан Лилльский и Николай Амьенский

ственного Сына и назвал Сыном вечного благословения». Если бы он вместо «создал» (или «сотворил») сказал бы «породил»! Тогда его формула была бы безупречной. Алан находит другую формулу, полностью соответствующую его вкусу, в другом произведении, которое, как и «Асклепия», он приписывает Гермесу Трисмегисту; но сейчас считается, что оно написано в средние века. Речь идет о некоей «Герметической книге» («Liber Hermetis»), где двадцать четыре философа предлагают двадцать четыре различных определения Бога. Там Алан нашел формулу, которую часто повторяли после него: «Monas gignit monadem et in se suum reflectit ardorem»*. Он толкует ее следующим образом: если Монада порождает, то это может быть только одна Монада — Сын, и ее рвение размышляет о ней самой, ибо Святой Дух происходит от Отца и Сына («Maximae theologiae» [«Теологические максимы»], III). Из этой формулы выводится другая, еще более известная, которую Алан заимствовал из того же сочинения. Порождая единство, которое есть другая самость, Монада является одновременно и началом и концом, не имея сама по себе ни начала, ни конца. В той мере, в какой она есть начало и конец, Монада подобна сфере, охватывающей все. Всякое творение является в ней как бы центром, который есть только точка, но он принадлежит сфере. Следовательно, можно сказать: «Deus est sphaera intelligibilis, cujus centrum ubique, circumferentianusquam»** («Maximae theologiae», VII). Эту формулировку широко популяризировал Паскаль, у которого она, впрочем, приобрела иной смысл, нежели у Алана Лилльского. Рабле в своей «Третьей